

© 2007 г. А. А. ЗАЛИЗНЯК

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭНКЛИТИКАХ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В книге «Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста» автор отнес поведение энклитик в «Слове» к числу тех его языковых особенностей, которые в балансе аргументов за и против подлинности этого произведения ложатся на чашу подлинности. Настоящая статья содержит дополнительный разбор данной проблемы в ответ на некоторые возражения, высказанные в статье М. Мозера.

В журнале «*Studia Slavica*» опубликована интересная статья австрийского лингвиста Михаэля Мозера [Мозер 2005], представляющая собой реплику на один из разделов моей книги о «Слове о полку Игореве» [Зализняк 2004].

Статья четко ограничена разбором только двух аргументов в пользу подлинности «Слова о полку Игореве» (далее: СПИ) из числа рассматриваемых в моей книге, а именно, тех, которые связаны с релятивизатором *то* и с вакернагелевскими (т. е. подчиняющимися закону Вакернагеля) энклитиками. Основное утверждение статьи состоит в том, что эти два аргумента не могут служить бесспорными свидетельствами подлинности СПИ.

При этом, однако, автор не утверждает, что тем самым непременно неверен и общий вывод моей книги. Это и понятно: ведь эти два аргумента составляют весьма небольшую часть тех трех с лишним десятков аргументов в пользу подлинности СПИ, которые упоминаются в моей книге. Даже если бы эти два аргумента были не просто поставлены под сомнение, а строго опровергнуты, общий вывод от одного этого еще не изменился бы.

Замечу лишь, что М. Мозер несколько преувеличивает то значение, которое я якобы придаю аргументу *который то* в вопросе подтверждения подлинности СПИ. В действительности я нигде не утверждаю, что это решающее доказательство тезиса подлинности. Если бы я так считал, мне незачем было бы исследовать и приводить все остальные аргументы. Более того, я должен был бы тогда исходить из того, что вопрос решен уже в 1981 году, когда я впервые обратил внимание на проблему *который то* в СПИ (см. [Зализняк 1981]). Между тем в действительности я еще долгие годы после этого пребывал в сомнении относительно того, как же обстояло дело с СПИ.

Как мне уже приходилось писать, в вопросе о СПИ нет такого окончательного аргумента, который сам по себе полностью закрыл бы вопрос. Ни один из когда-либо предъявлявшихся доводов — как той, так и другой стороны — не исключает на сто процентов возможность того, что дело было все-таки не так.

Поэтому, строго говоря, я согласен с главным утверждением М. Мозера с самого начала: да, указанные два аргумента — как, впрочем, и остальные — не являются бесспорными свидетельствами подлинности СПИ.

Обсуждать можно только бóльшую или меньшую вероятность того, что конкретный аргумент «сработает», т. е. что соответствующее рассуждение правильно отразит действительность.

И с этой точки зрения я уже не готов согласиться с оценкой относительного веса аргументов и контраргументов в рассматриваемом вопросе, которая предлагается в работе М. Мозера.

Статья М. Мозера на четыре пятых посвящена вопросу о релятивизаторе *то*; вакернагелевским энклитикам уделены в сущности лишь беглые замечания.

Между тем в системе аргументов в пользу подлинности СПИ вес этих двух аргументов как раз обратный. В моем сводном списке [Зализняк 2004: 167–170] аргумент о релятивизаторе *то* входит в самую слабую категорию — «Особенности отдельных слов», тогда как аргумент о вакернагелевских энклитиках принадлежит к более сильной категории — «Особенности целых классов слов или словоформ». Соответственно, и ниже я уделяю основное внимание именно второму, а не первому.

Вопрос о релятивизаторе *то*

М. Мозер указывает, что встретившееся в СПИ *который то* в принципе могло появиться в тексте СПИ не как наследие древнерусского подлинника, а как заимствование из польского *który to*, совершенное фальсификатором XVIII века.

С тем, что это в принципе возможно, я совершенно согласен. И, соответственно, признаю законным упрек М. Мозера в том, что я этого в книге не упомянул (ограничившись лишь ссылкой на свою статью 1981 года, где рассмотрены и польское *który to* и другие инославянские соответствия).

И М. Мозер, конечно, прав в том, что сторонники поддельности СПИ при желании могут, сочтя *который то* полонизмом, использовать его как аргумент в свою пользу. В связи с этим я признаю, что было бы более правильным, если бы в своей книге на с. 168 в рубрике «Возможные возражения» я указал для аргумента о релятивизаторе *то* среди прочих возражений еще и «мог заимствовать из польского».

Но вот с тем, что две версии происхождения этого *который то* — из древнерусского или из польского — равновероятны, я не могу согласиться.

Здесь полезно уточнить, что противопоставление этих двух версий не является все же прямым эквивалентом противопоставления версий подлинности и поддельности СПИ. Фальсификатор мог почерпнуть *который то* из древнерусского источника, и тогда никакого иноязычного заимствования тут нет, а тем не менее перед нами фальсификат. (Так что уже по одной этой причине присутствие в тексте релятивизатора *то* не может быть окончательным свидетельством подлинности СПИ.) С другой стороны, заимствование в принципе могло произойти и в древности.

Предполагаемые полонизмы, богемизмы, сербизмы и прочие иноязычные заимствования в некотором русском тексте естественно делить на две категории:

а) «сильные»; это такие явления, которых в древнерусском не было или по крайней мере они там пока что не обнаружены;

б) «слабые»; это явления, которые имелись также и в древнерусском.

Например, Э. Кинан утверждает, что в СПИ представлено множество богемизмов. Но подавляющее их большинство относится к категории слабых; скажем, он предлагает считать богемизмом слово *рана* в значении 'удар', засвидетельствованное в этом значении также и в древнерусских текстах (ср. разбор предполагаемых богемизмов в СПИ [Зализняк 2004: 286–301]).

Представляется очевидным, что если подозреваемое заимствование относится к категории слабых, то и сама гипотеза о том, что это заимствование, а не собственно русское явление, оказывается чрезвычайно слабой. Такая гипотеза может быть не совсем бессмысленной только в одном случае — если помимо нее уже доказано, что текст вообще был подвержен внедрению заимствований из данного языка (например, если уже доказано, что текст сочинил носитель этого языка). Как самостоятельный аргумент в пользу поддельности некоего спорного текста такая гипотеза не весит почти ничего.

Как легко видеть, предположение о том, что *который то* в СПИ есть заимствование из польского, — это предположение о слабом полонизме.

Оно может приобрести какое-то правдоподобие только после того, как будет установлено, что СПИ писал человек, черпавший что-то из польского.

Между тем бесспорных полонизмов, т. е. несомненно пришедших из польского и несомненно отсутствовавших в древнерусском, в СПИ не обнаружено (ср. разбор статьи Р. Айтцетмюллера о предполагаемых полонизмах в СПИ [Зализняк 2004: 222–227]).

Добавим к этому некоторые соображения, возникающие при попытке представить себе деятельность предполагаемого фальсификатора более конкретно.

Какими путями вообще может попасть в сочиняемый кем-то русский (или древнерусский) текст иноязычное, скажем, польское, слово?

Существенно прежде всего то, проникло ли оно туда незаметно для пишущего или вставлено осознанно.

Первый вариант естествен для человека, который практически владеет польским языком и активно им пользуется (разумеется, наряду с русским; реально такие люди часто бывают знакомы еще и с украинским и/или белорусским). В речи такого человека возможна естественная интерференция этих языков, и он может вставить в текст польское слово, не осознавая того, что в чистом русском языке его нет.

Второй вариант носит менее естественный характер. Он вероятен только в том случае, если пишущий сознательно хочет придать своему тексту некоторую дополнительную окраску, которую, с его точки зрения, привносит польское слово. Например, это возможно в ситуации, когда использование польских слов воспринимается как престижное. То же в случае, если пишущий хочет придать своему тексту колорит древности и почему-либо полагает, что польское слово — более древнее или более похоже на древнее.

В обоих случаях, однако, очень трудно объяснить, почему одни элементы польского языка (из числа отсутствующих в современном русском) проникли в сочинение фальсификатора, а другие нет.

Если польские элементы проскальзывали в его русских сочинениях неосознанно, то почему у него попало в текст (в русифицированной форме) именно *który to* (имеющее древнерусское соответствие), но не, скажем, *któryś*, или *ten*, или *tamten*, или *żeby* и т. п. (не имеющие такого соответствия)?

Здесь уместно вспомнить убедительный список из 20 синтаксических явлений, которые сам М. Мозер выделяет в другой работе [Мозер 1998] как элементы польского и, в терминологии автора, «югозападнорусского» влияния на русский синтаксис. Это следующие конструкции (ради краткости опускаем их точное описание, ограничиваясь примерами, в которых подчеркнут характерный элемент): 1) *есть отцом*; 2) членные формы прилагательных в предикативной функции; 3) то же для страдательных причастий; 4) *сотворився безумным*; 5) *не забвенную мя учини*; 6) *такъ вѣрни*; 7) *accusativus cum infinitivo* и *nominativus cum infinitivo*; 8) родительный качества (*и такого был мужественного сердца*); 9) *не почитают насъ там... и за нса смердящаго*; 10) оборот *что за*; 11) *через* + В. падеж в значении средства или причины; 12) *до царя Василья поидоша*; 13) *по замерзлыхъ водахъ*; 14) *суровѣйшаго надъ тя мучителя*; 15) *просити о помощь*; 16) будущее время в форме *буду* + инфинитив; 17) *имѣти* + инфинитив; 18) *царицу тобою счаровано*; 19) союз *естьли* (если); 20) союз *так что* (см. также Крысько 2001).

Если сочинителем СПИ был человек XVIII века, говоривший по-русски и по-польски (вероятно, также и по-украински и/или по-белорусски), то весь этот ряд явлений был в числе его речевых автоматизмов. Каким же образом могло получиться, что ни одно из этих 20 явлений не попало в текст СПИ, тогда как *który to* попало?

Стороннику данной версии тут остается только сказать: «Случайность». Разумеется, случайности бывают. Но верно и то, что чем больше случайностей необходимо допустить, чтобы принять некоторую версию, тем менее надежна сама версия.

Если же фальсификатор сознательно вставил польское слово, полагая, что это усилит древний колорит, то как объяснить, что из множества специфических польских слов

он остановил свое внимание именно на *który to*, которое имеет соответствие в древнерусском? Можно, конечно, предположить, что он сделал это именно потому, что встретил *который то* также и в каком-то древнерусском источнике. Но тогда достаточно одного этого — отпадает необходимость искать объяснения в польском.

Таковы причины, по которым два объяснения для *который то* — из древнерусского или из польского — нельзя признать равноправными и равновероятными.

Вопрос о вакернагелевских энклитиках

В этом важном вопросе М. Мозер, к сожалению, фактически ограничивается лишь беглыми замечаниями, однако же считает возможным сделать на их основании общий скептический вывод относительно показательности этого аспекта синтаксиса СПИ, а именно: «Таким образом, едва ли можно утверждать, что ситуация с энклитиками в Игоре-вой песни требует недоступного для предполагаемого фальсификатора знания исторического синтаксиса. Их доказательная сила в отношении подлинности Игоре-вой песни остается дискуссионной» [Мозер 2005: 280].

В моей книге было показано, что в количественном измерении СПИ обнаруживает тот же тип соотношения препозиции и постпозиции *ся*, что в памятниках XII века, близких к живой речи, — в ранних берестяных грамотах и прямой речи в Киевской летописи. При этом сходство обнаруживается не только при суммарном подсчете, но и порознь в каждой из выделенных нами основных категорий фраз. Между тем все другие группы памятников — как древних, так и поздних — дают совершенно другую картину, с гораздо более низким процентом случаев препозиции *ся*.

Таким образом, если данное сходство не случайно, то либо СПИ создано примерно тогда же, что и названные памятники, и в том же стилистическом ключе, либо фальсификатор каким-то образом — сознательно или неосознанно — достиг такого сходства.

Случайность здесь, действительно, нельзя исключать — прежде всего потому, что материала СПИ мало для серьезной статистики. Но все же следует учитывать, что здесь придется признать не одну только случайность сходства суммарных отношений, но также и случайность сходства в количественном распределении примеров по частным категориям фраз. И напомним еще раз, что каждая новая апелляция к случайности вычитается из правдоподобия версии, которая на этой случайности основана.

М. Мозер фактически трактует указанное сходство именно как случайное, хотя и не говорит об этом в явной форме. Его мысль сводится к тому, что представленная в СПИ картина поведения *ся* могла сложиться более или менее стихийно, в силу различных индивидуальных факторов, проявившихся в разных группах фраз.

Вот какие соображения он высказывает по поводу каждой из рассматриваемых категорий фраз с возвратным глаголом.

1 (фразы с подчиненным инфинитивом). Здесь в СПИ имеется всего один пример, и он содержит *ся* в препозиции: *А чи диво ся, братіє, стару помолодити*. Комментарий М. Мозера (с. 279): «Тот факт, что один пример с инфинитивом обнаруживает препозицию *ся*, едва ли может рассматриваться как особо показательный — для этого имеется слишком много соответствий в других древневосточнославянских текстах».

2 (фразы с начальным местоименным словом). Здесь М. Мозер указывает на то, что для сочетания *ту ся*, представленного в СПИ трижды, есть много примеров в древних текстах, в частности, в Киевской летописи. Правда, тут же он добросовестно констатирует, что в Киевской летописи наряду с таким *ту ся* имеется даже несколько большее число примеров, где *ся* стоит во фразе с *ту* не так: *и ту скуписа*, *и ту скупишася*, *и ту ѿблوميшася*, *и ту снмшася*. Он комментирует это так: «Фальсификатор мог усвоить конструкцию *ту + ся + глагол* совсем из другого текста». И добавляет, что соответствие для *ту ся* часто встречается в польском и в хорватском.

3 (фразы с начальным знаменательным словом). В СПИ препозиция *ся* представлена в 6 случаях из 10. Комментарий М. Мозера: «Предполагаемый фальсификатор, должно быть, установил только то, что — как в каком-то другом известном ему славянском языке вплоть до его времени — употреблялись оба варианта».

4 (фразы с начальной двучленной группой). Комментарий М. Мозера (с. 280): «Если здесь из пяти примеров один обнаруживает препозицию *ся*, то речь идет ровно об одном примере двойного *ся* (*Вежи ся Половецкѣи подвизашася*), тем самым не о чистой препозиции — но в древнейших восточнославянских текстах препозиция засвидетельствована крайне редко, а двойное *ся*, как уже упомянуто, вообще не засвидетельствовано».

5 (фразы с причастием в нечленной форме). В СПИ примеров препозиции *ся* нет. Комментарий М. Мозера: «Это в конечном счете незначимо (insignifikant): правда, в древнейших текстах препозиция чаще, но предполагаемый фальсификатор, должно быть, не приобрел знания об этом (*muss dies ja nicht in Erfahrung gebracht haben*)».

Таким образом, на каждый пункт находится соображение *ad hoc*, каждый раз новое, которое должно материал этого пункта как-то обесценить. В пункте 1 М. Мозер ссылается на то, что так бывает во многих древневосточнославянских памятниках. В пункте 2 — на то, что в Киевской летописи большей частью не так, но фальсификатор в этом случае мог опираться на какой-то иной памятник. В пункте 3 — просто на то, что в памятниках бывает и так, и так. Про пункт 4 сказано только, что тут всего один пример препозиции из пяти, и тот не вполне чистый. Для пункта 5 предположено, что фальсификатор мог просто не знать, как обстоит дело в древнейших текстах.

При этом в изложении М. Мозера дело выглядит так, что объяснения требуют только примеры с препозицией *ся*, а примеры с постпозицией представляют собой как бы нейтральный, ни о чем не говорящий фон, и можно не учитывать ни их структуру, ни их количество; иначе говоря, чтобы объяснить всю ситуацию с размещением *ся* в СПИ, достаточно найти для каждой из имеющихся в СПИ фраз с препозицией *ся* какие-то индивидуальные причины, которые могли бы привести сочинителя к именно такому построению фразы.

Между тем на самом деле объяснения требуют не одни лишь фразы с препозицией *ся*, а распределение случаев препозиции и постпозиции. Например, согласно М. Мозеру, пункт 4 не имеет большого значения по той причине, что здесь всего один пример препозиции *ся* из пяти. Но в действительности здесь существенно как раз это соотношение «всего один из пяти»: оно очень похоже на ситуацию в этой категории фраз в древнерусских памятниках. И нуждается в объяснении именно это сходство между СПИ и древними памятниками, а не просто конкретный пример препозиции.

Но рассмотрим все же и те конкретные соображения М. Мозера по поводу фраз СПИ с препозицией *ся*, из которых, по его мнению, вытекает, что все эти фразы могли быть построены фальсификатором без особых затруднений и не требовали от него ни больших лингвистических знаний, ни каких-то необыкновенных способностей.

Мог ли фальсификатор механически скопировать готовое сочетание *ту ся* из какого-то древнерусского памятника или из польского или хорватского языка? В принципе, конечно, мог. Я могу в этом пункте пойти даже дальше М. Мозера и предложить следующее простое (а в рамках версии поддельности даже как бы напрашивающееся) решение. Ведь в Задонщине (в списке И-1) есть сочетание *туто ся*. И фальсификатор, если он существовал, несомненно опирался в своем сочинительстве на Задонщину. И тогда ему незачем было далеко ходить за сочетанием *туто ся* (или, что то же, *ту ся*): оно уже содержалось в его образце¹.

¹ Понятно, что именно на это *туто ся* в Задонщине сторонники подлинности СПИ указывают как на заимствование из СПИ; но в рамках версии поддельности здесь, конечно, естественно предполагать заимствование в противоположном направлении.

Так что три примера с *ту ся* в СПИ действительно можно сравнительно легко объяснить как продукты копирования. Но проблема не сводится к этим трем самым легким примерам. Чтобы сделать вывод о том, что вообще в данном вопросе задача фальсификатора была не так уж сложна, необходимо уметь как-то объяснить все имеющиеся примеры.

И вот тут более глубокий и точнее документированный анализ показывает, что целый ряд из них искусственно создать далеко не так просто, как это выглядит в беглом обзоре у М. Мозера.

Нет необходимости подробно разбирать все фразы СПИ с препозицией *ся*. Ограничимся двумя наиболее показательными примерами.

Первый из них — фраза *А чи диво ся, братіє, стару помолодити*. Она содержит инфинитив с препозицией *ся*, причем не контактной, а дистантной.

Заметим предварительно, что фальсификатор явно как-то различал — если не на основе лингвистического знания, то хотя бы интуитивно — разные категории фраз с возвратным глаголом. Из этого фактически исходит и М. Мозер: иначе каким образом фальсификатор мог бы, например, применить принцип «бывает и так, и так» только к категории 3, а не ко всем пяти?

И М. Мозер признает, что фальсификатор должен был использовать в своем деле в качестве образцов древние восточнославянские памятники — даже если он, кроме того, в той или иной мере опирался на какой-то живой славянский язык. В вопросе о том, сознательно или неосознанно он действовал в этих случаях, М. Мозер, судя по приведенной выше цитате, по-видимому, склоняется ко второму. Но для нас непринципиально в данном случае, сознательно или неосознанно фальсификатор отражал свои образцы. Важно то, что имело место отражение образцов.

Обратимся же к этим предполагаемым образцам.

Рассмотрим отношение числа фраз с инфинитивом (возвратного глагола) и дистантной препозицией *ся* к общему числу фраз с неначальным инфинитивом (возвратного глагола). Вот какая картина обнаруживается в памятниках (для расширения кругозора включаем в список также и некоторые старославянские памятники):

Мариинское евангелие	1 из 39
Супрасльский кодекс	3 из 128
Изборник 1076 года	1 из 33
«История Иудейской войны» Иосифа Флавия	0 из 73
«Пчела»	1 из 41
Житие Андрея Юродивого	22 из 73
«Повесть временных лет» (без Мономаха)	8 из 51
Киевская летопись по Ипат. (в целом)	21 из 95
Галицко-Волынская летопись	1 из 34

На фоне этих данных выглядит уже довольно легковесным утверждение М. Мозера, что фраза из СПИ не составляет ничего особо примечательного, поскольку для нее «имеется слишком много соответствий в других древневосточнославянских текстах». Таких соответствий, конечно, можно насчитать какое-то количество, если их просуммировать по крупницам по всем памятникам. Но все же человек, знакомящийся с разными памятниками подряд, в среднем примерно в 10 раз чаще встречает другие способы построения фразы с возвратным инфинитивом.

А нет ли все-таки такого источника, где доля фраз с дистантной препозицией была бы существенно выше — ну хотя бы достигала половины случаев? Оказывается, есть: это прямая речь в Киевской летописи (и напомним, что это как раз один из тех двух источников, с которыми СПИ сближается по целому ряду признаков). В ней данное соот-

ношение составляет 15 из 30 (тогда как в авторской речи в той же летописи — 6 из 65). Попутно отметим, что такой же порядок элементов, как в СПИ, имеет единственная фраза рассматриваемой структуры, встретившаяся в ранних берестяных грамотах: *могоу сѧ съ тобою ати на водоу* в грамоте XII века № 238.

А не могла ли именно прямая речь в Киевской летописи послужить для фальсификатора искомым образцом? Могла — но только при условии, что фальсификатор сперва сумел расщепить Киевскую летопись на два ее основных компонента: без этого данный источник «невидим», он растворяется в авторской речи, у которой совсем другие характеристики.

Таким образом, очень трудно объяснить, на каком базисе фальсификатор развил такую интуицию, которая позволила ему построить фразу *А чи диво сѧ, братіе, стару помолодити*. Ведь 90 процентов прочитанного им материала подсказывало ему другую конструкцию — с постпозицией *сѧ* (... *стару помолодитися*) или по крайней мере с контактной препозицией (... *стару сѧ помолодити*).

Но и это еще не все: не следует забывать, что фальсификатор не просто сочинил эту фразу. Если СПИ создал он, то он взял эту фразу из Задонщины, где она выглядит как *Добро бы, брате, в то время стару помолодит(ь)сѧ*. И вот в этой уже готовой фразе, совершенно похожей на подавляющее большинство известных ему фраз с возвратным инфинитивом, он по какому-то неизвестному побуждению счел нужным изменить место *сѧ*, причем заменив постпозицию даже не на контактную препозицию, которая все же не столь редка, а на максимально редкую дистантную препозицию.

Как мы уже выяснили, невозможно предполагать, что он часто встречал фразы с дистантной препозицией *сѧ* при инфинитиве и потому просто привык именно так строить фразу. Остается только предположить — если не прибегать к жалкой версии о чисто случайной перестановке *сѧ*, — что он знал, что дистантная препозиция создаст впечатление древности, и именно ради этого сознательно переставил *сѧ*.

Разумеется, этого знания можно было достичь с помощью научного анализа. Что же касается предположения о том, что можно того же самого достичь с помощью чистой интуиции, то счесть его правдоподобным очень трудно. Во всяком случае это нас ведет к тому же допущению, к которому версия поддельности СПИ уже приводила при анализе целого ряда других аспектов этого памятника, — что подделыватель был гением интуиции.

Нельзя ли, однако, вообще обойтись без апелляции к древнерусским памятникам, а объяснить то же самое тем, что фальсификатор знал какой-то живой славянский язык, где энклитики сохраняют древний порядок (или даже просто тем, что это был его родной язык)? Правда, именно в этом пункте М. Мозер не апеллирует к инославянскому источнику, но он упоминает о возможности такого источника в некоторых других случаях.

Дистантная препозиция показателя возвратности при инфинитиве имеет различную частотность в разных западно- и южнославянских языках. Так, в польском фразы такого строения составляют лишь ничтожную часть общего массива фраз с возвратным инфинитивом. Но, например, в сербском это довольно частое явление. Поэтому в принципе можно было бы допустить, что в данном пункте фальсификатор произвел синтаксическое заимствование, в частности, из сербского.

Тогда мы столкнемся с такой же проблемой, как в случае с *который то*.

Если фальсификатор просто свободно говорил по-сербски и допускал сербизмы неосознанно, то чем можно объяснить, если не сослаться в очередной раз на случайность, что он заимствовал черту, представленную также и в древнерусском источнике (причем в таком, с которым СПИ и в ряде других отношений сходно, — в прямой речи из Киевской летописи), но при этом не заимствовал сербских черт, отсутствовавших в древнерусском, например, таких, как имперфекты типа **хочаше* или типа **дотециаше* (в соответствии с сербскими *хоћаше*, *дотецијаше*) или обороты типа *хотяше да ꙗѣснь творить* вместо *хотяше ꙗѣснь творити*, или вариант *му* вместо *ему* и т. д.?

Если же он скопировал эту сербскую черту обдуманно, полагая, что она придаст его фальсификату более древний колорит, то тот же самый вопрос принимает вид: как он сумел сделать среди разных сербских черт такой правильный, с точки зрения данной цели, выбор? И как он мог счесть данную конструкцию за древнюю в условиях, когда ни в евангельских текстах, ни в более поздних церковнославянских памятниках, ни в большинстве древнерусских она почти не встречается?

Другой пример — фраза *Вежи ся Половецкѣи подвизашася* (с двойным *ся*).

М. Мозер лишь бегло упоминает эту фразу, не уделяя ей особого внимания. Между тем в действительности для создания этой фразы фальсификатор должен был бы подняться до самых вершин своего искусства. Эта фраза уже рассматривалась нами [Зализняк 2006: 10–11]; ниже мы даем более подробный комментарий.

Первое *ся* стоит здесь в точном соответствии с законом Вакернагеля, причем оно вклинено в группу «существительное + согласованное с ним прилагательное». И именно таким должен был быть порядок слов в первоначальном состоянии славянской фразы.

Однако во фразах с начальной группой такой структуры эта древнейшая синтаксическая модель очень рано начинает вытесняться другими конструкциями. В древнерусских памятниках, даже XI–XII веков, она сохраняется лишь в чрезвычайно редких случаях.

Рассмотрим фразы с начальной группой «существительное + согласованное с ним прилагательное (в том числе местоименное) или управляемое им слово» (в любом порядке) и сказуемым, имеющим при себе *ся*.

Подсчитаем отношение числа случаев вклинивания *ся* в начальную группу указанной структуры к общему количеству таких фраз. Число случаев вклинивания записано ниже (если это не нуль) в виде $a + b$, где a — число случаев с группой «существительное + согласованное с ним прилагательное», b — с группой «существительное + управляемое им слово». Общее количество фраз указывается суммарно для случаев a и b .

Вот результаты этих подсчетов для ряда важных древних памятников.

Мариинское евангелие	0 из 71
Супрасльский кодекс	0 из 148
Житие Мефодия	1+0 из 3
Изборник 1076 года	0 из 101
«История Иудейской войны» Иосифа Флавия	0 из 204
«Пчела»	0 из 106
Житие Андрея Юродивого	0 из 82
Житие Феодосия	1+1 из 34
«Хождение» игумена Даниила	5+0 из 52
«Повесть временных лет» (без Мономаха)	1+1 из 80
Прямая речь в Киевской летописи	1+2 из 13
Авторская речь в Киевской летописи	0 из 136
Синодальный список НПЛ	1+2 из 139
Слово о полку Игореве	1+0 из 5

Приведем несколько иллюстраций из категории a (т. е. той, к которой относится интересующая нас фраза из СПИ); как видно из подсчетов, такие примеры представляют собой исключительную редкость:

съ гроубою сѧ чадью пѣрѣхъ (Житие Мефодия по Усп. сб., 107а);

си же сѧ злоба сключи въ дѣнь Възнесенья Г҃а нашего Г҃са Х҃а (ПВЛ по Лавр., [1093], 73 об.);

се съ симъ ны сѧ полко^М нѣлзѣ бити сею рѣкою (прямая речь в Киевской летописи по Ипат., [1148], 132 об.);

того сѧ всего ѿступаѣмъ (Синод. НПЛ, [1242], 130);

да то ся мѣсто зоветь Месопотамия («Хождение» игумена Даниила; заметим, что из 5 примеров в этом памятнике 4 практически одинаковых).

Мы ясно видим теперь тот предельно узкий базис, на который должна была опираться интуиция фальсификатора, чтобы создать фразу *Вежи ся Половецкіи подвизашася*, точнее, чтобы именно так поставить в ней первое *ся*. При исключительной редкости фраз данной структуры совершенно непостижимо, каким образом фальсификатор почувствовал, что это не странные ошибки, а как раз древнейшая синтаксическая модель, которую стоит запомнить и использовать.

Не помогут здесь и ссылки на живые славянские языки: ни в одном из них такая конструкция не является сколько-нибудь частотной.

Что же касается второго *ся*, то про него М. Мозер говорит лишь то, что «в древнейших восточнославянских текстах (...) двойное *ся* (...) вообще не засвидетельствовано»². По-видимому, смысл этого указания в том, что здесь можно усматривать улику против фальсификатора, который в данном случае не сумел построить правильную раннедревнерусскую фразу.

Но откуда же тогда все-таки взялось второе *ся*?

В живых языках XVIII века никакого двойного *ся* уже не было. Двойное *ся* — это явление переходного периода в истории восточнославянских языков, когда древнее правило расстановки энклитик (закон Вакернагеля) постепенно ослабевало, но еще не исчезло, а новое правило (требующее постоянной постпозиции *ся*) еще не победило полностью; в основном это XV–XVI века.

Тем самым двойное *ся* относится к той же группе представленных в СПИ явлений, что южнославянская орфография или ряд морфологических эффектов XV–XVI веков, которых тоже нет ни в рукописях XII–XIII веков, ни в практике XVIII века, — они ограничены неким средним периодом истории русского языка. Эта группа явлений создает наибольшие трудности для версии об искусственном создании СПИ в XVIII веке, поскольку фальсификатор не мог познакомиться с ними ни по древнейшим источникам, ни из языковой реальности (и письменной практики) своего времени. Единственная возможность состояла в знакомстве с рукописями XV–XVI веков и усвоении тех их специфических особенностей, которые отличают их как от древнейших, так и от позднейших рукописей.

При этом необходимо учитывать, что даже и в поздних рукописях двойное *ся* представлено со статистической точки зрения крайне редко — в обследованном нами материале это 0,4% от общего числа *ся* при нена начальном глаголе (28 случаев из примерно 6600). Чтобы заметить это явление и как-то зафиксировать в сознании (или подсознании), нужно было «проработать» множество таких рукописей.

Из всего этого ясно, что человек конца XVIII века поставить второе *ся* в силу собственных речевых или письменных автоматизмов никоим образом не мог. Ничего не давали ему здесь и живые славянские языки: двойного *ся* в них нет. Он мог только симулировать — сознательно или неосознанно — эффект, встречавшийся ему в мизерном проценте случаев в рукописях XV–XVI веков.

Как же все-таки ему это удалось? Ничего не остается, как в очередной раз прибегнуть либо к гипотезе о беспрецедентной силе интуиции, либо к гипотезе о превосходном лингвистическом анализе (на десятилетия раньше возникновения лингвистической науки нового времени) в сочетании с изысканным коварством — желанием создать у лингвистов отдаленного будущего иллюзию древнего текста, переписанного в XV–XVI веках.

Таким образом, эта линия объяснения требует гипотез, несравненно более сложных и мало правдоподобных, чем прямолинейное предположение о том, что второе *ся* появи-

² Строго говоря, это не совсем верно: несколько примеров двойного *ся* в памятниках XII–XIII вв. все же отмечено (см. [Др.-русс. гр. 1995: 474]). Но действительно их так мало, что в рассматриваемом здесь вопросе они явно не могли сыграть никакой роли.

лось под пером в точности тех, для кого оно было естественно и характерно, — писцов XV–XVI веков.

В целом ситуацию с энклитиками в СПИ можно резюмировать так.

Соотношение случаев препозиции и постпозиции *ся* в СПИ сходно с ранними берестяными грамотами и прямой речью в Киевской летописи — как в целом, так и в распределении по разным категориям фраз. Существует, правда, вероятность того, что это статистическая случайность, но она невелика.

Но особенно существенно в данном вопросе то, что без сложных и малоправдоподобных допущений не удастся объяснить строение ряда конкретных фраз с препозицией *ся* из СПИ, если исходить из предположения об их искусственном создании в XVIII веке.

Соображения общего порядка, на которых строится скептическая позиция М. Мозера, оказываются совершенно недостаточными при документированном анализе показаний древнерусских памятников и их возможных отражений в предполагаемом фальсификате.

* * *

В заключение несколько более общих замечаний.

В ситуации, когда не существует одного довода, который сам по себе окончательно закрыл бы вопрос, аргументация неизбежно принимает форму блока из целого ряда аргументов, которые не просто соседствуют в общем списке, но в определенной степени взаимодействуют друг с другом; в частности, слабое звено одного аргумента может быть «защищено» действием некоторого другого аргумента.

Поэтому избранная М. Мозером постановка вопроса, состоящая в том, что анализируются ровно два аргумента в отвлечении от всех прочих, фигурирующих в дискуссии, хотя и привлекательна четкостью своих границ, в целом очень мало что дает.

В рамках версии о фальсификации, естественно, необходимо иметь хотя бы в общих чертах портрет предполагаемого фальсификатора.

Если против этой версии выдвинуто три десятка аргументов, то в идеале фигура фальсификатора должна быть такова, чтобы она могла перечеркнуть все эти аргументы, то есть предполагаемый фальсификатор должен обладать такими способностями и умениями, которые сделают эти аргументы недействительными.

Можно для начала попытаться обрисовать фигуры, обладающие хотя бы частью требуемых способностей.

Так, в принципе можно представить себе фальсификатора, который тщательно изучил Ипатьевскую летопись и научился имитировать именно ее. Если допустить, что такая цель действительно достижима, то из общего списка аргументов против поддельности СПИ можно будет признать недействительными те, где речь идет о наличии в СПИ такого же явления, как в Ипатьевской летописи.

Можно представить себе и несколько иную фигуру — человека, который прочел много рукописей XV–XVI веков, созданных на северо-западе Руси, и научился имитировать — осознанно или интуитивно — именно их орфографию, морфологию и диалектные черты. Это позволило бы признать недействительным другой ряд аргументов против поддельности СПИ.

Далее, можно вообразить человека с исключительными лингвистическими способностями, который, опередив свой век, научился отличать раннедревнерусские рукописи от рукописей XV–XVI веков и достиг способности правильно преобразовывать текст Задонщины с ее поздней грамматикой в текст, соответствующий нормам XII века.

Возможна также фигура деятельного собирателя народных речений в разных местах России, Белоруссии и Украины, а иногда и за их пределами.

Возможна фигура поляка, чеха или серба, знавшего также и русский язык, который привнес в сочиняемый текст элементы своего родного языка.

Этот список можно продолжить.

Каждая из очерченных фигур позволяет с какой-то степенью правдоподобия объяснить определенную группу черт СПИ.

Правда, по поводу почти каждой из этих фигур могут быть высказаны серьезные сомнения относительно их реальной способности правильно построить соответствующие элементы фальсификата; об этом много говорится в моей книге. Нельзя сказать также, что все эти фигуры легко вписываются в культурно-историческую обстановку конца XVIII века. Но все же полностью отрицать возможность их существования и их потенциал нельзя.

Понятно, однако, что версия фальсификации неумолимо требует совмещения всех этих фигур (точнее, столько из них, сколько необходимо, чтобы справиться со всей суммой аргументов против поддельности). И вот эта задача оказывается предельно, практически непреодолимо трудной.

Например, по мнению Э. Кинана, Йозеф Добровский, в котором он хочет видеть автора СПИ, совмещает в себе свойства чуть ли не всех этих фигур. Но все же ему никаким образом не удастся приписать Добровскому знание особенностей северо-западных русских рукописей XV–XVI веков. И вот Э. Кинану ничего не остается, как не признавать (точнее, обходить молчанием) несомненное: что в СПИ есть северо-западные черты.

М. Мозер не рисует нам полного портрета человека XVIII века, который мог бы сочинить СПИ. Это вполне естественно, поскольку он не объявляет себя прямым сторонником версии поддельности. Но все же упомянуты некоторые черты теоретически возможного фальсификатора: он не является лингвистом — знатоком исторического синтаксиса; он знаком с Ипатьевской летописью и какими-то другими рукописями; он знает один или несколько западно- и/или южнославянских языков.

Нетрудно видеть, что такая фигура еще менее способна соединить в себе все необходимые характеристики, чем фигура Добровского: Добровский был по крайней мере превосходный лингвист.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Др.-русс. гр. 1995 — Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.
- Зализняк 1981 — А. А. Зализняк. Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981.
- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста. М., 2004.
- Зализняк 2006 — А. А. Зализняк. Можно ли создать «Слово о полку Игореве» путем имитации // ВЯ. 2006. № 5.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962.
- Крысько 2001 — В. Б. Крысько. Рецензия на Мозер 1998 // Славяноведение. 2001. № 4.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. Л., 1926–1928.
- Мозер 1998 — M. Moser. Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts. Frankfurt-am-Main etc., 1998. (Schriften über Sprachen und Texte; Bd. 3).
- Мозер 2005 — M. Moser. Sind der «Relativisator» *mo* und die Syntax anderer Enklitika als klare Beweise für die Authentizität des Igorlieds zu werten? // Studia Slavica. 2005. T. 50/3.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- ПВЛ — Повесть временных лет.
- Синод. НПЛ — Синодальный список НПЛ.
- СПИ — Слово о полку Игореве.
- Усп. сб. — Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.